УДК 93.331.3

ЗАКРЕПЛЕНИЕ КАДРОВ В СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГГ.: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И (ИЛИ) МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ Марина А. Клинова $^{\circ}$ 1. $^{\circ}$

¹ Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45 ® klinowa.m@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.04.2018. Принята к печати 28.05.2018.

Ключевые слова: закрепление кадров, социально-экономическая политика, СССР, 1940-е гг., трудовая дисциплина, рабочие.

Аннотация: В данной статье проанализированы практические методы реализации политики «закрепления кадров» на предприятиях отечественной индустрии в первые послевоенные годы, оценена их направленность и эффективность. В качестве источников исследования использовались статистические данные, архивные материалы, нормативные документы периода, в том числе ранее не опубликованные Постановления Совета Министров СССР. Доказано, что основной причиной текучести кадров являлись неблагоприятные жилищно-бытовые условия рабочих и проблемы снабжения. Проблема закрепления кадров в советской индустрии решалась путем усиления административного контроля, посредством расширения льгот и социальных гарантий рабочих. Методы закрепления кадров, а также объемы льгот и суровость наказания, применяемого к работникам за нарушение трудовой дисциплины, распределялись в соответствии с принципом главного звена, предполагающим более высокую концентрацию льгот и санкций в отношении работников приоритетных для государства отраслей (угольной промышленности, металлургии). В условиях ограниченного количества ресурсов применение данного принципа позволяло достигать поставленных социально-экономических задач.

Для цитирования: Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 24—30. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-24-30.

В послевоенный период основные векторы правового и социально-экономического регулирования определялись необходимостью решения важнейшей задачи, стоящей перед государством - ликвидировать экономические последствия войны и восстановить разрушенное войной хозяйство. Данная задача была конкретизирована в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946-1950 гг.»: «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах» [1, с. 25]. В контексте реализации пятилетнего плана населению отводилась ведущая роль - именно усилиями граждан он должен был быть осуществлен. Приоритетность развития индустрии в плане четвертой пятилетки предполагала значительное повышение интенсивности и производительности труда промышленных рабочих.

Сложность решения данной проблемы была связана со значительным сокращением за период с 1940 по 1945 гг. количества работающего населения трудоспособных возрастов. Численность рабочих и служащих по СССР сократилась с 33,9 до 28,5 млн человек [2, с. 40], по РСФСР уменьшилась на 2,5 млн (с 22173000 до 19627000) [2, с. 40]. Почти на 500 тыс. сократилось количество рабочих и служащих РСФСР,

занятых в промышленности, на 200 тыс. – в строительстве, около 200 тыс. – на транспорте [3, с. 114].

Проблема нехватки рабочих рук в советской промышленности решалась за счет различных источников: трудоустройства демобилизованных, направления на предприятия выпускников фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ, трудовой мобилизации населения (оргнабор), а также посредством использования труда спецконтингента. Не менее важным аспектом кадровой проблемы было сохранение трудовых ресурсов в советской индустрии.

В данной статье проанализированы практические методы реализации политики «закрепления кадров» на предприятиях отечественной индустрии в первые послевоенные годы, оценена их направленность и эффективность. В качестве источников исследования использовались статистические данные, архивные материалы, нормативные документы периода, в том числе ранее не опубликованные Постановления Совета Министров СССР.

Проблема текучести кадров сохраняла свою актуальность в послевоенный период, фиксируясь во многих отраслях отечественной индустрии. Наиболее остро она стояла в угольной промышленности, металлургии, строительстве. В данных отраслях фиксировалось не только большее количество выбывших

с предприятий, но и преобладающее количество самовольно ушедших. Соответственно, это явление имело наибольшее распространение в тех регионах РСФСР, где размещались предприятия этих отраслей – в угольных и металлургических центрах Урала и Западной Сибири, Подмосковном угольном бассейне. Напротив, в Москве и Ленинграде уровень текучести кадров был достаточно низким, что не в последнюю очередь было связано с преимуществами снабжения данных городов. Так, например, в первом квартале 1947 г. в Москве с оборонных предприятий выбыли всего 1532 человека, в Ленинграде с восемнадцати оборонных предприятий ушли 387 человек. Для сравнения: в Молотове, где численность населения была в восемь раз меньше, за три месяца 1947 г. выбыли 1940 работников [4, л. 81; 5, л. 47].

Увольнения и самовольные уходы работников предприятий порождали неконтролируемое перемещение рабочей силы, нарушавшее векторность осуществляемых государством регулируемых трудовых инвестиций (оргнабор, школы ФЗО и РУ). Поэтому проблема текучести кадров требовала незамедлительного решения.

В ряду практических методов «закрепления» кадров было сохранение ряда чрезвычайных мер, регулирующих трудовую дисциплину на предприятиях в военные годы. В послевоенные годы не был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому самовольный уход с работы, прогул или опоздание карались тюремным заключением (от 2 до 6 месяцев в зависимости от состава правонарушения) [6, с. 141–142]. На оборонных предприятиях за трудовое «дезертирство» судили военные трибуналы, действовавшие не основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [7]. В соответствии с данным Указом самовольный уход с оборонного предприятия карался тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Во время войны перечень оборонных объектов постоянно расширялся, включая в себя не только заводы, производившие вооружение, но и предприятия других отраслей, производивших продукцию для нужд обороны (угольные шахты, текстильные фабрики, заводы по производству каучука). В 1943 г. военное положение было введено на железных дорогах, морском и речном транспорте [8, с. 46]. Расширение перечня оборонных объектов привело к распространению жёстких мер контроля трудовой дисциплины на значительное количество предприятий, сохранивших статус «оборонных» и в первые послевоенные годы.

По данным В. Н. Земскова, за самовольную смену места работы по Указам от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. в 1946 г. были осуждены 237707 человек, в 1947 г. – 290425, в 1948 г. – 281340, в 1949 г. – 267869, в 1950 г. – 208962, в 1951 г. – 133823, в 1952 г. – 179695 [8, с. 45]. Из общего количества осужденных число

работников оборонных предприятий и транспорта варьировалось от 35 % (1946) и 26 % (1947) до 10 % (1948). Масштабы трудового дезертирства на предприятиях ВПК в послевоенный период иллюстрируют данные, приводимые А. С. Кимерлинг. Так, в третьем квартале 1947 г. военный трибунал войск Министерства внутренних дел по Молотовской области рассмотрел 965 дел в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г., в то время как на все остальные преступления приходилось только 54 дела [9, с. 67]. Важно отметить, что далеко не все осужденные за дезертирство приговаривались к лишению свободы сроком от пяти до восьми лет. Г. М. Иванова, анализируя судебную практику военных трибуналов о дезертирстве и самовольных отлучках на железнодорожном и водном транспорте, приходит к выводу, что в 1946 г. по этим делам были осуждены 26212 человек, в том числе приговорены к лишению свободы -17770 (67,8 %), условно осуждены - 5620 (21,4 %), приговорены к исправительно-трудовым работам (ИТР) без содержания под стражей – 2822 (10,8 %). В 1947 г. по аналогичным делам всего были осуждены 20076 человек, из них приговорены к лишению свободы – 16242 (81 %), условно осуждены – 1272 (6,3 %), приговорены к ИТР – 2562 (12,7 %) [10, c. 274].

В целом на период 1946-1947 гг. приходится наибольшее количество осужденных за трудовое дезертирство. Среди рабочих, самовольно оставляющих предприятия, большую часть составляли мобилизованные во время войны и репатрианты. В отчете прокуратуры Челябинской области, подготовленном в апреле 1947 г., отмечалось, что среди «дезертиров трудового фронта» можно выделить четыре категории: досрочно освобожденные; мобилизованные во время войны; молодые люди, пришедшие из школ ФЗО; рабочие, набранные по системе оргнабора из сельской местности других регионов [11, л. 158]. Е. Ю. Зубкова так описывает реакцию мобилизованных рабочих на окончание войны: «дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление, ... сдвиг в массовом сознании, обозначавший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть» [12, с. 41]. По окончании войны эвакуированные и мобилизованные работники стремились вернуться домой, обращаясь с просьбами во власть. В июне 1945 г. в Президиум Верховного Совета поступило 2371 таких писем, в июле – 3563, в августе – 5175, в сентябре – 5309, в октябре – 5524, в ноябре – 4192, в декабре – 3680 [12, с. 42]. Большая часть данных просьб не была удовлетворена. Руководство предприятий, не желая терять кадры, старалось препятствовать увольнениям работников. Один из способов задержания рабочих описан в жалобе электрика конторы «Сельэнерго» (г. Ирбит Свердловской обл.) М. В. Елисеева, который на свое заявление об увольнении получил ответ директора: «Не возражаю, найдите себе замену» [13, л. 64]. Аналогичные случаи решения кадровой проблемы директорами предприятий фиксировались во многих регионах РСФСР [9, с. 68]. Данные факты свидетельствуют

о том, что в послевоенный период помимо сохранения суровых законов военного времени широко применялись методы внеправового регулирования проблематики текучести кадров.

Причины текучести кадров крылись в первую очередь в неудовлетворительных условиях жизни рабочих. В отчетах и докладных записках министерств и ведомств в качестве основной причины увольнений и дезертирства рабочих с предприятий фигурировала жилищная проблема. В текстах писем и жалоб граждан в качестве причин текучести кадров также названы различные проблемы обеспечения. Произошедшее в октябре 1946 г. снижение контингента рабочих, находящихся на карточном обеспечении, привело к усилению текучести кадров. В телеграмме начальника Верхотурской конторы связи (Свердловская обл.) в Министерство связи от 17 октября 1946 г. отмечены следующие факты: «Пятнадцать сотрудников связи бросили производство ушли на работу в колхозы, местные власти лишили получение хлебных карточек, тринадцать дней октября работали без хлеба, ... связь в районе парализована» [14, л. 298]. Проблемы обеспечения достаточно остро стояли на предприятиях лесной промышленности. В текстах жалоб в вышестоящие инстанции отмечены факты ухода рабочих с предприятий вследствие непредоставления сенокосных угодий при сохранении сельхозналога и поставок мяса и молока [15, л. 207], неудовлетворительной работы магазина (один раз в неделю, в то время, когда рабочий находится на работе) [16, л. 71, 72], «безобразного снабжения» рабочих (в результате чего из Буйского леспромхоза (Бесертский р-н Свердловской обл.) в течение года выбыли 80 человек, не отработав и года) [17, л. 49]. В качестве причины ухода рабочих также фигурировала невыплата (несвоевременная выплата) заработной платы [17, л. 51] и пр.

Решение проблемы закрепления кадров в советской индустрии не исчерпывалось применением сугубо административных методов, ограничивающих свободный уход рабочих с предприятий. Принимались меры, направленные на улучшение условий труда рабочих. Указом Президиума Верховного совета от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» с 1 июля 1945 г. для рабочих и служащих были восстановлены ежегодные оплачиваемые отпуска, восстанавливался 8-часовой рабочий день [6, с. 377]. Постановление Секретариата ВЦСПС от 21 июля 1947 г. обязывало ФЗМК не допускать сверхурочные работы для беременных женщин, кормящих матерей, подростков, больных открытой формой туберкулеза легких. В 1949 г. был установлен обязательный медицинский осмотр всех работавших на предприятиях с вредными условиями труда. 25 октября 1948 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 3991 «О строительстве лечебных учреждений и детских яслей при промышленных предприятиях», согласно которому одновременно со строительством промышленных предприятий должны были строиться лечебные учреждения, детские ясли и жилые помещения для их персонала [18, л. 154-156]. Вводились нормативы строительства данных учреждений в зависимости от количества сотрудников предприятия.

На предприятиях тех отраслей, развитие которых являлось приоритетным для государства, были приняты более развернутые меры, направленные на улучшение состояния техники безопасности, охраны труда и предотвращения травматизма рабочих промышленных предприятий. 29 августа 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 1934 «Об улучшении состояния техники безопасности и условий труда рабочих на шахтах (Министерств угольной промышленности Западных районов, угольной промышленности Восточных районов) и строительства топливных предприятий» [19, л. 124–132]. В данном постановлении было обозначено требование «заменить на всех шахтах, опасных по газу и пыли, взрывоопасное электрооборудование на взрывобезопасное», улучшить вентиляцию в шахтах, сделать капитальный ремонт, укомплектовать штаты предприятий газомерщиками и рабочими по вентиляции и т. д. В тексте документа значительное внимание было уделено проблематике охраны здоровья угольщиков. Планировалось открыть в угольных районах страны 37 новых больниц, 27 поликлиник, 25 амбулаторий и здравпункты при всех шахтах угольных бассейнов. Медицинские учреждения, обслуживающие рабочих угольной промышленности, должны были в первую очередь снабжаться специальной аппаратурой, медикаментами и перевязочными материалами. О приоритетности охраны здоровья рабочих угольной промышленности свидетельствует следующее указание: «Восстановить в 1947 году в г. Сталино работу института физиологии труда, организовав в этом институте систематическое изучение условий труда в угольной промышленности, ... а также разработку и проведение в жизнь мероприятий по оздоровлению труда в шахтах» [19, л. 129]. В качестве льготы рабочим угольной промышленности предоставлялась «первоочерёдность приёма» во всех медицинских учреждениях, расположенных в угольных районах.

Для закрепления кадров на предприятиях правительство использовало и различные формы материальной поддержки рабочих путем повышения их доходов или урегулирования жилищных проблем. Но применение данных мер также носило избирательный характер, используясь в отношении предприятий, приоритетных для государства отраслей, где наиболее остро стояла кадровая проблема, либо для предприятий определенных регионов, нуждающихся в более интенсивном освоении, где материальная поддержка населения должна была компенсировать сложности, связанные с суровым климатом. Так, например, рабочим и служащим предприятий Крайнего Севера по истечении шести месяцев работы выплачивалась 10 % надбавка к ставке [20, с. 378], а рабочим Урала, Сибири, Дальнего Востока оклады повышались на 20 %, а также активизировалось строительство и продажа рабочим индивидуальных жилых домов [19, л. 89–92]. В 1946 г. для преодоления текучести кадров на предприятиях Министерства промышленности строительных материалов работникам давались ссуды на индивидуальное жилищное строительство до 15 тыс. руб. с погашением в течение 7 лет. Рабочим, получившим ссуды, продавалось по 20 м кв. стекла, по 60 м кв. кровельных материалов. Для продажи рабочим и ИТР в 1946 г. было выделено 500 карманных и ручных часов, 200 часов «Победа» и «Звезда» и 1000 будильников [21, л. 518–520].

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 986 от 4 мая 1946 г. рабочим лесозаготовительных предприятий выделялись под застройку земельные участки площадью 0,25 га для разведения огорода и надворных построек, но при условии, что застройщик обязан был отработать на строительстве жилого дома в свободное от работы время не менее 30 % количества человеко-дней, требующихся на постройку дома. Также для работников лесозаготовительных предприятий вводились нормы снабжения хлебом, «установленные для городов» [22, л. 364–366]. В 1947 г. льготы работникам лесной промышленности были расширены: им выделялись ссуды на покупку индивидуальных жилых домов, домашнего скота и участки под сенокосы от 1 до 2 га на одну семью, с 1947 г. они освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога, на 50 % снижались обязательные поставки мяса и молока государству [23, л. 17-22].

Более существенные льготы предоставлялись рабочим и инженерно-техническим работникам (ИТР), занятым на строительстве предприятий тяжелой индустрии. Помимо ссуды на покупку индивидуального жилья, вновь принятым рабочим-строителям, заключившим договор на срок не менее 5 лет и проработавшим не менее 6 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. В магазинах и отделах рабочего снабжения (ОРСах) строек молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карточек [24, л. 284-289]. С 1948 г. рабочим ведущих профессий, безупречно проработавшим на стройках предприятий тяжелой индустрии не менее года, предоставлялась отдельная комната [25, л. 149–152].

Для закрепления на предприятиях работников угольной промышленности и строительства угольных шахт помимо ссуд на жилищное строительство предоставлялась еще одна жилищная льгота: ИТР и горным мастерам, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемая квартира оставлялась в пожизненное пользование. Также «угольщикам» полагалось ежегодное единовременное вознаграждение за выслугу лет от 10 % до 30 % оклада в зависимости от стажа и должности работника и пособие по временной нетрудоспособности (при непрерывном стаже работы на предприятии не менее одного года – 100 % заработка, до одного года – 60 % заработка) [26, л. 129-134].

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 3843 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по обе-

спечению рабочей силой предприятий и строек черной металлургии» работникам металлургических предприятий наряду со ссудами на жилищное строительство, молодым специалистам, проработавшим в основных металлургических и коксохимических цехах не менее 3 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. Молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карточек, предоставлялась ссуда на хозяйственное обзаведение (имеющим высшее образование – 3000 тыс. руб.; среднее – 2000 руб.). Также планировалось продать рабочим и ИТР в 1947–1948 гг. 1000 телят и 5000 поросят (обеспечить приобретших скот сенокосами), 60000 металлических кроватей, 6000 велосипедов, 300 мотоциклов, 5000 ручных часов «Победа» и «Звезда» и 10000 будильников, 1500 радиоприемников разных систем [24, л. 284-289]. А для работников предприятий цветной металлургии с 1948 г. вводились льготы на оплату обучения. Для детей рабочих и мастеров, занятых на подземных работах, рудничном строительстве, в металлургических, химико-металлургических цехах, ИТР и руководящих работников отрасли стоимость обучения в металлургических, горных средних и высших учебных заведениях уменьшалась на 50 % [25, л. 134-137].

В целом более значительные льготы по кредитованию, обеспечению жильем, продовольственными и непродовольственными товарами, выплаты за выслугу лет и по временной нетрудоспособности были введены во второй половине 1940-х гг. в угольной промышленности, металлургии (черной, цветной), строительстве (предприятий тяжелой индустрии и угольных шахт).

Говоря о существовавшей системе льгот, важно подчеркнуть, что декларируемые в текстах постановлений правительства социальные гарантии рабочих могли не соответствовать реальности. Обещанные рабочим льготы не всегда выполнялись предприятиями, что нередко являлось причиной жалоб граждан в вышестоящие инстанции. Например, в тексте жалобы рабочих Режевского Химлесхоза треста Свердхимлес Главлесхима (Свердловская обл.), направленной в Совет Министров СССР (1948), отмечены нарушения Постановления Совета Министров СССР № 2804 от 8 августа 1947 г. (согласно которому рабочим лесной промышленности должны быть предоставлены сенокосные угодья от 1 до 2 га на одну семью, полное освобождение от сельхозналога и в половинном размере от поставок молока и мяса государству). Рабочие Режевского района (267 человек), Невьянского района (70 человек), Костоусовского и Антоновского районов (169 человек), Рефтинского участка (90 человек) «остались без сенокосных угодий, от сельхозналога, молоко и мясопоставок не освобождены, условия быта их очень тяжелые... Ввиду вышеизложенного обстоятельства рабочие не закрепляются на постоянный кадр, а уходят с работы» [15, л. 207]. Фиксируемая декларативность установленных льгот была обусловлена недостатком средств у предприятий. Помимо этого, распределение ресурсов (сенокосов, жилья и пр.) в сложное послевоенное время являлось сферой многочисленных злоупотреблений руководства.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что в послевоенный период проблема закрепления кадров в советской индустрии решалась различными методами: путем усиления административного контроля и принуждения, а также путем расширения льгот и социальных гарантий рабочих. Для выявления специфики применения тех или иных методов обратимся к концепту мобилизационного общества, сформулированному в отечественной историографии [28-31]. В рамках данной модели процессы, протекавшие в СССР, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических и военных задач. В качестве одного из признаков мобилизационности В. В. Седов отмечает принцип главного звена, который предполагает концентрацию ресурсов в одном звене экономической системы, оптимальном для достижения поставленной задачи [30, с. 22].

Реализация данного принципа фиксируется и в сфере кадровой политики «сталинского» периода. В соответствии с приоритетными задачами, стоящими перед страной, дифференцировались интенсивность применяемых методов административного контроля дисциплины труда и жёсткость законодательных санкций.

Нарушение рабочими трудовой дисциплины на предприятиях оборонной промышленности, составляющей главное звено советской индустрии, влекло за собой более суровое наказание, чем самовольный уход работников с предприятий, не входящих в эту категорию. С другой стороны, дифференциация социальных льгот на предприятиях различных отраслей отражает действие принципа главного звена, отмеченного В. В. Седовым. Наибольшие выплаты и льготы фиксировались на предприятиях приоритетных отраслей индустрии (угольная промышленность, металлургия); предприятиях стратегически важных или «трудных» регионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток).

Оценивая эффективность предпринятых мер по закреплению кадров в советской индустрии, можно отметить, что уже к концу 1940-х — началу 1950-х гг. проблема нехватки рабочих рук в отечественной промышленности была решена [32, с. 39; 33, с. 102], в том числе благодаря снижению темпов текучести рабочей силы и закреплению рабочих на предприятиях.

В целом можно сказать, что принцип главного звена являлся одним из ключевых инструментов «сталинской» социально-экономической политики. Его использование позволяло при достаточно ограниченном количестве ресурсов решать стоящие перед страной задачи, сопрягая методы контроля и принуждения и материального стимулирования населения.

Литература

- 1. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М.: Изд-во юрид. лит., 1949. Т. 5. 512 с.
  - 2. Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 302 с.
  - 3. РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М.: Советская Россия, 1957. 239 с.
  - 4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3752.
  - 5. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3758.
- 6. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР за 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. 359 с.
  - 7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. 117 с.
  - 8. Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 43–48.
- 9. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Высшая школа экономики, 2017. 211 с.
- 10. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
  - 11. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747.
  - 12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5847.
- 13. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
  - 14. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538.
  - 15. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5848.
  - 16. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6409.
  - 17. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6608.
  - 18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 349.
  - 19. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283.
- 20. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.
  - 21. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280.
  - 22. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277.
  - 23. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308.
  - 24. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316.

- 25. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332.
- 26. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311.
- 27. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344.
- 28. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.
- 29. Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2009). Челябинск, 2009. С. 95–100.
  - 30. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: ЧГУ, 2003. 177 с.
  - 31. Фонотов А. Г. Россия: инновации и развитие. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
- 32. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 359 с.
  - 33. Хлусов М. И. Развитие советской индустрии. 1946–1958. М.: Наука, 1977. 280 с.

PERSONNEL RETENTION IN THE SOVIET INDUSTRY IN THE MID-TO-LATE 1940S: ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT AND / OR MATERIAL INCENTIVES

Marina A. Klinova© 1, @

¹ Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta/Narodnoi Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144 [@] klinowa.m@yandex.ru

Received 24.04.2018. Accepted 28.05.2018.

Keywords: retention of staff, socio-economic policy, the USSR, 1940-s, labor discipline, workers.

Abstract: The article features the practical methods of the "personnel retention" policy at the domestic industry enterprises in the first post-war years, their orientation and efficiency. The list of research sources includes statistical data, archival materials, normative documents of the period, including the previously unpublished Resolutions of the USSR Council of Ministers. It has been revealed that the main cause of staff turnover was unfavorable living conditions of workers and supply problems. In the Soviet industry, the personnel retention problem was solved by strict administrative control, as well as by the expansion of benefits and social guarantees for employees. Personnel retention methods, as well as the amount of benefits and the severity of the punishment applied to employees for violation of labor discipline, were distributed in accordance with the key link principle: employees of state priority sectors (coal mining, metallurgy) experienced a higher concentration of benefits and sanctions. In the conditions of limited resources, this principle made it possible to achieve the desired social and economic tasks.

For citation: Klinova M. A. Zakreplenie kadrov v sovetskoi industrii vtoro poloviny 1940-kh gg.: administrativnoe prinuzhdenie i (ili) material'noe stimulirovanie [Personnel Retention in the Soviet Industry in the Mid-to-Late 1940s: Administrative Enforcement and / or Material Incentives]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 24–30. DOI: https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-24-30.

References

- 1. Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR]. Moscow: Izd-vo iurid. lit., vol. 5 (1949): 512.
- 2. Trud v SSSR. Statisticheskii sbornik [Work in the USSR. Statistical collection]. Moscow: Finansy i statistika, 1988, 302.
- 3. RSFSR za 40 let. Statisticheskii sbornik [The RSFSR in 40 years. Statistical collection]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1957, 239.
- 4. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF) [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3752.
- 5. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3758.
- 6. Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR za 1938–1944 gg. [Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR for 1938–1944]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1945, 359.

- 7. Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR = Statements of the Supreme Soviet of the USSR. no. 2 (1942): 117.
- 8. Zemskov V. N. Ukaz ot 26 iiunia 1940 goda (eshche odna kruglaia data) [The decree of 26 June 1940 (another round number)]. *Raduga = Rainbow*, no. 6 (1990): 43–48.
- 9. Kimerling A. S. *Vypolniat' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnei stalinskoi epokhi* [To carry out and to deceive: political campaigns of the late Stalin era]. Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki, 2017, 211.
- 10. Ivanova G. M. *Istoriia GULAGa*, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty [The history of Gulag 1918–1958: socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka, 2006, 438.
- 11. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3747.
- 12. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO) [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5847.
- 13. Zubkova E. Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnosť. 1945–1953* [Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 1999, 229.
- 14. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5538.
- 15. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5848.
- 16. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 6409.
- 17. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 6608.
- 18. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 349.
- 19. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 283.
- 20. Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. iiul' 1956 g. [Collection of laws and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 July 1956]. Moscow: Gosiurizdat, 1956, 500.
- 21. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1. File 280.
- 22. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 277.
- 23. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 308.
- 24. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 316.
- 25. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 332.
- 26. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 311.
- 27. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 344.
- 28. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilizatsionnaia model' razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of the Russian society in the twentieth century]. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2013, 128.
- 29. Poberezhnikov I. V. Mobilizatsionnye mekhanizmy v kontekste modernizatsii (teoreticheskie aspekty) [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (28–29 noiabria 2009)* [Mobilization model of the economy: historical experience of Russia of the twentieth century: Proc. all Russian Sc.-Prac. Conf. (November 28–29 2009)]. Chelyabinsk, 2009, 95–100.
- 30. Sedov V. V. *Mobilizatsionnaia ekonomika: sovetskaia model'* [Mobilization economy: the Soviet model]. Chelyabinsk: CHGU, 2003, 177.
- 31. Fonotov A. G. *Rossiia: innovatsii i razvitie* [Russia: innovation and development]. Moscow: Binom. Laboratoriia znanii, 2010, 431.
- 32. Fil'tser D. Sovetskie rabochie i pozdnii stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalinskoi sistemy posle okonchaniia Vtoroi mirovoi voiny [Soviet workers and late Stalinism. Working class and restoration of the Stalinist system after World War II]. Moscow: Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 2011, 359.
- 33. Khlusov M. I. *Razvitie sovetskoĭ industrii. 1946–1958* [Development of the Soviet industry. 1946–1958]. Moscow: Nauka, 1977, 280.